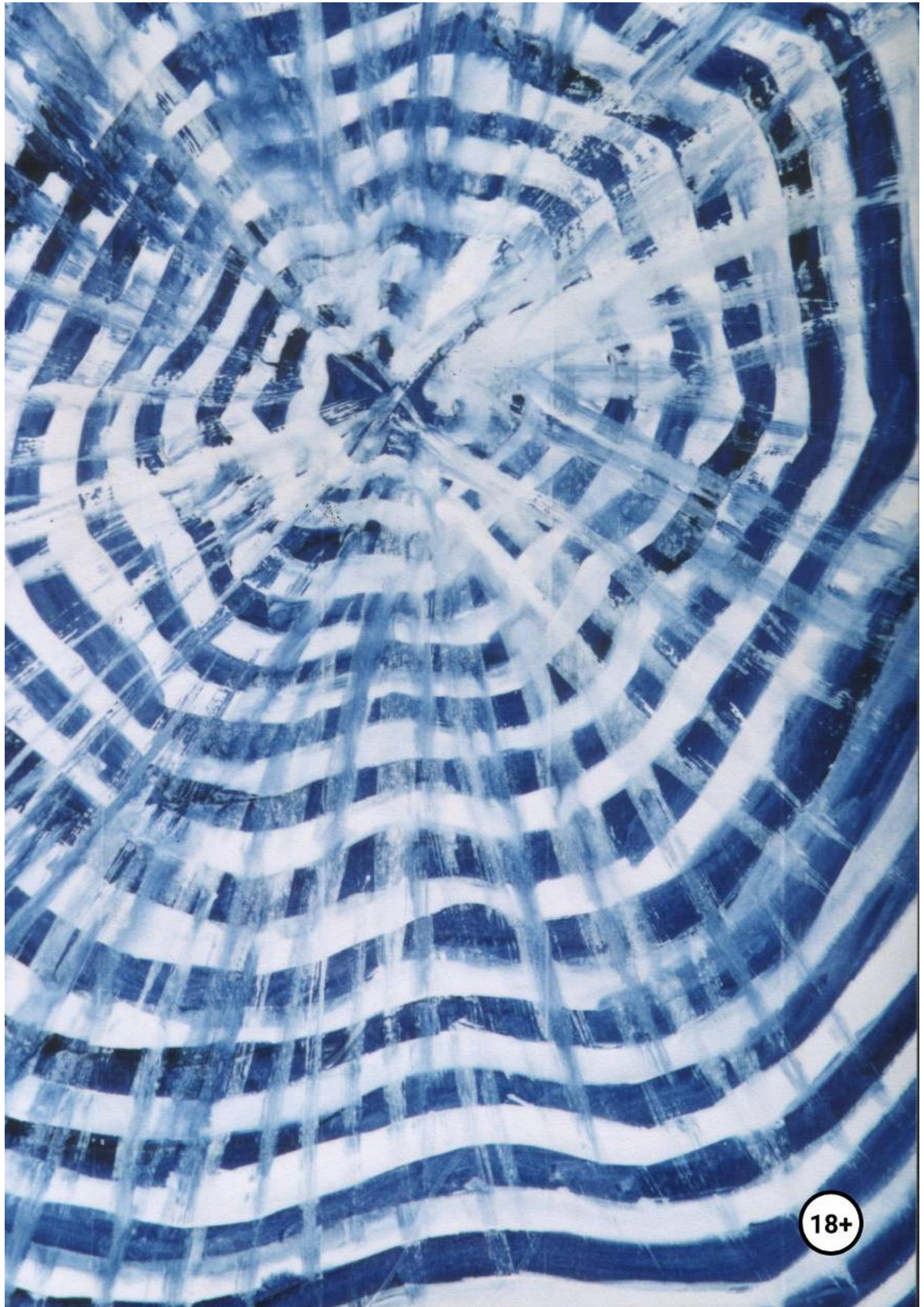




Дара Преображенская

Последняя Универсаль, часть 2

«Автор»

2026

Дара Преображенская

Последняя Универсаль, часть 2 / Дара Преображенская —
«Автор», 2026

Действие романа происходит в будущем – 2626 год. Земля захвачена жителями галактики Центурион во главе с коварным Айроном. Отец главной героини Олимпии Крейг – Артур Крейг является лидером борьбы Движения «Сопrotивления» против захватчиков Земли. Однако он трагически погибает, и Олимпия вынуждена скрываться на Меркурии. Но спустя 4 года она возвращается на Землю, чтобы продолжить дело отца, и узнать, кто является предателем из-за которого погиб Артур Крейг.

© Дара Преображенская, 2026

© Автор, 2026

Содержание

ДАРА ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ	5
ПОСЛЕДНЯЯ	5
УНИВЕРСАЛЬ	5
С	5
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Дара Преображенская Последняя Универсаль, часть 2

ДАРА ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ

ПОСЛЕДНЯЯ

УНИВЕРСАЛЬ

**ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ Д.А., «ПОСЛЕДНЯЯ УНИВЕРСАЛЬ»,
РОМАН, 2010 ГОД
«Затерявшиеся в Космосе», часть 2**

В

С

ЧАСТЬ 2

«ЗАТЕРЯВШИЕСЯ В КОСМОСЕ»

СОДЕРЖАНИЕ СТР.

Глава 1. «Школа Космологии» -----	4
Глава 2 «Новый Год» -----	13
Глава 3 «Вопреки судьбе» -----	25
Глава 4 «Начало пути» -----	33
Глава 5 «В полёте» -----	43
Глава 6 «Катастрофа» -----	52
Глава 7 «Бездна» -----	62
Глава 8 «Путешествие в Никуда» -----	71
Глава 9 «Продолжение путешествия в никуда» -----	81
Глава 10 «Неизвестная звезда» -----	91

ГЛАВА 1 «ШКОЛА КОСМОЛОГИИ»

...Когда она сошла с космолёта «Меркурий-Земля» в Центральном космопорту Земли, это всё было похоже на сон, отчасти грустный, отчасти приятный, а отчасти и просто страшный.

Грустный, потому что Земля напоминала ей о том времени, когда Олимпия была ещё маленькой девочкой, слишком наивной и слишком мечтающей о детских несбыточных грёзах, когда была жива её мать – первая красавица-блондинка Земли Сильвия, а также отец – самый

мужественный предводитель Движения Сопротивления против диктатуры Центуриона, Артур Крейг.

Память о погибшем отце была слишком жива и слишком болезненна для Олимпии. Она помнила, как он садил её к себе на колени, гладил чёрные непокорные завитки волос дочери, а вокруг сидели соратники Артура – первые лица Земли, о которых затем будут сложены мифы и легенды, передаваемые из уст в уста. Но тогда это казалось ей вполне обычным.

Страшный, так как основная масса людей, встречавшихся ей здесь, были жителями галактики Центурион. Уже при первом взгляде было понятно, что жизнь была приспособлена под них, а законные владельцы планеты Земля, чьи интересы отстаивал и защищал её отец, занимали последнее место. И Олимпии было больно смотреть на все эти перемены.

Приятным, потому что наконец-то она возвратилась на свою родину, и она уже предвкушала встречу со старыми друзьями, о которых она никогда не забывала.

Это было видно по той радости в её чистых голубых глазах, которая возникла, когда двое юпитерианцев встретили её.

Это были Клара и Винвальд, отличавшиеся от остальных, в том числе и от представителей галактики Центурион своей зеленоватой чешуеобразной кожей, которая к тому же переливалась радужными бликами на солнечном свете в ясный погожий день.

Олимпия не замечала того, как Александр занимался вещами, сплавляя их безотказному роботу-носильщику, она обняла своих приёмных родителей, так как таковыми она считала их по сей день, слёзы полились из её лучистых глаз, как две реки, вышедшие из берегов.

Клара убрала свои фиолетовые волосы, спрятав их под красный берет с ярко-розовой пампушкой, которая каждый раз танцевала в воздухе при малейшем движении юпитерианки.

На Винвальде был синий комбинезон, подчёркивавший стройность его высокой фигуры. На губах Винвальда играла грустная улыбка.

Они изменились за эти четыре года, даже немного постарели, но всё же черты их лиц оставались добрыми.

Объятия Клары были крепкими, как будто со дня их последней встречи прошло не одно столетие. И неизвестно сколько долго продлились бы эти объятия, если б не подошедший молодой человек в серебристом комбинезоне, в котором Олимпия без труда узнала Джима Сандерса и которого она не переносила из-за бросающегося в глаза высокомерия и всегда презрительно скривившихся губ.

Сандерс был белокурым красавчиком, слишком привязанным к женщинам и придворным интригам при дворе королевы Леминии 13-й. Олимпия только успела коротко сказать, обратившись к Кларе и Винвальду:

-

Как я рада вас видеть! Я так соскучилась по вам, дорогие мои!

У Клары не нашлось подходящих слов. Она лишь развела руками и произнесла чуть дрогнувшим голосом:

-

Ты совсем красавицей стала! И слава Великому Юджину, твоё зрение восстановилось. Я и мой муж Винвальд так переживали за тебя все эти годы, ведь на Земле сейчас стало так опасно, а Айрон ненавидел твоего отца.

Горькая улыбка тронула красивые губы Олимпии.

-

Если б он только был со мной, был бы рядом, или хотя бы где-нибудь на другой галактике, но только живой, и я бы знала об этом... Я тогда с радостью перенесла бы все эти годы. Пусть даже осознавая, что я – изгнанница, что за мной до сих пор охотятся агенты Айрона, как за продолжательницей идей легендарного Артура Крейга.

Винвальд сжал крепко ладони Олимпии.

-

Вы не одиноки, мисс Олимпия. Мы, Ваши друзья, Ваши соратники, Ваши единомышленники, с Вами.

Она посмотрела в горячие фиолетовые глаза юпитерианца. Сейчас в них пылал настоящий огонь, который мог свидетельствовать о глубокой преданности сердца.

-

Но вы подвергаете свои жизни опасностям. Айрон, как настоящая гончая, будет преследовать всех сторонников Сопротивления до самого конца.

В ответ Винвальд лишь улыбнулся:

-

Даже здесь, в этом логове центуриан и приспешников подлого Айрона, есть места, где их власть ограничена.

-

Что ты имеешь в виду? – спросила Олимпия. На её красивом смуглом лице было написано удивление.

-

Космическая Школа Земли. Это её создал Ваш отец, дорогая. И слава Великому Юджину, туда не проникла власть центуриан.

Олимпия улыбнулась:

-

Я хотела бы продолжить дело отца, но сначала, я знаю, мне нужно окончить Школу, чтобы получить знания о Космосе, глубокие знания. Я рада, что именно Школа Земли является центральной и главной во всех двадцати четырёх галактиках. Вы ведь уже знаете, что я приглашена на первый курс? Я вам писала об этом.

Олимпия вытащила из нагрудного кармана своего комбинезона бумаги с печатями Школы и протянула их Кларе и Винвальду.

- Вот, смотрите. Здесь всё написано. Здесь сказано, что Олимпия Крейг зачислена на первый курс Космической Школы Земли.

Ужас выразился в преданных фиолетовых глазах Клары.

-

О, но это же то же самое, что выставять себя живой мишенью! Моя милая девочка, ты очень сильно рискуешь.

-

Нет-нет! Вы не поняли. Моё имя вновь изменено, и теперь я – Виктория Баретто, дочь давно умершего итальянского антиквара. О нём, конечно же, никто ничего не знает, просто вымышленное имя. Я должна сыграть свою роль легкомысленной дурочки богатенького итальянского папаши.

-

А как же твоя внешность? – спросил Винвальд, отбросив всякие условности. И смело переходя на «ты», - Она слишком яркая, слишком необычная, и слишком напоминающая Артура.

Олимпия беззаботно махнула своей изящной ручкой и коротко хохотнула:

-

О, за это тоже не волнуйтесь! Благодаря Теодору Лидьярду Старшему, премьер-министру Меркурия, его связям в Медицинской Межпланетной Ассоциации, мой код ДНК изменён, и теперь по всем данным я – не Олимпия Крейг, а Виктория Баретто.

-

А если однажды эта информация вскрыется? Что тогда? – спросила Клара.

В её добродушных фиолетовых глазах всё ещё выражался страх, настоящий страх, ничем не прикрытый и не завуалированный, не поддающийся ни одному изменению молекулярной структуры ДНК – дезоксирибонуклеиновой кислоты, химического носителя биологической составляющей гена.

-

В Медицинской Ассоциации много сторонников Сопротивления. Однако даже если это и случится, то к тому времени, я надеюсь, Айрон будет побеждён и выдворен с Земли.

В это время подошёл Александр, поклонился своей юной шестнадцатилетней хозяйке и произнёс:

-

Вещи ждут вас при выходе с космопорта. Куда прикажете ехать?

Во время этой короткой речи Клара улыбнулась и покачала своей большой головой, увенчанной густой шевелюрой фиолетовых волос.

-

Так-то Вы приветствуете старых друзей, брат Александр!

-

О, простите меня, Клара и Вин! Я был слишком высокомерен. Просто боюсь, что здесь небезопасно, и нас могут застигнуть врасплох. А тюрьма, сами знаете, не очень приятное место для того, кто служит Великому Алехандро.

-

О-да! А теперь, дружище, отбрось-ка в сторону всю свою спесь, я знаю, она не в твоей натуре, и давай-ка, как следует, обнимемся.

Олимпия и Клара с умилением наблюдали за тем, как двое закадычных друзей отдавали друг другу должное. Затем, когда объятия были закончены, Винвальд отступил на два шага и внимательно посмотрел на чернокожего слугу с блестящим талисманом из чистого золота, знаком Св. Алехандро, который был одет поверх комбинезона, и казалось, придавал его владельцу какие-то неведомые никому силы.

-

Ты здорово изменился, приятель! – наконец, сказал юпитерианец.

-

Надеюсь, что не к худшему.

-

Нет, просто в твоих чёрных волосах появилось чуть больше белизны. И в глазах иногда мелькает грусть. Ну, а в остальном, ты – прежний Александр-силач, победитель боевых состязаний на Юпитере. Помнишь ли ты то самое времечко, когда я подстраховывал тебя и приводил на арену пару сотен болельщиков, которые были на твоей стороне?

Александр улыбнулся, показав свои по-прежнему белоснежные зубы, огонёк радости промелькнул в его бездонном взгляде.

-

Как же мог я такое забыть, друг Вин? Крик этих парней болельщиков придавал мне силы, и я побеждал.

-

А где же Тина? – Клара вопросительно посмотрела сначала на Олимпию, затем на Александра, - Мне всегда казалось, что ваша троица неразлучна. И вот, что же я вижу? Тины нет. Неужели вы заменили её другим биороботом, а её отправили на утилизацию? Я слышала о роботах последнего поколения, они совсем как люди, только не стареют и не могут плакать.

Олимпия вздохнула:

-

Нет, не беспокойтесь, я никогда бы не отказалась от Тины, потому что для меня она стала не просто биороботом-няней, а подругой. Однако очень строгой подругой с оттенком непримирения и даже строптивости, если дело касается моей личной безопасности. Мы были вынуждены отключить Тину и хорошенько её упаковать, чтобы перевезти её на Землю.

-

Я тоже не был в восторге от идеи мисс Олимпии вернуться на родину, - пробасил Александр, - но...

-

Но...?

Клара озадаченно посмотрела на чернокожего силача. Он лишь пожал плечами и коротко ответил:

-

Разве легко сопротивляться желаниям мисс Олимпии, тем более если она тебе так мило улыбается и готова на всё, лишь бы ты оставался её другом?

Клара лукаво улыбнулась:

-

Я понимаю тебя, однако Тина никогда не простит тебе этого, ведь Олимпия на этот раз предпочла тебя, а не её.

-

Посмотрим.

Клара оглянулась на выход из космопорта «Земля». Туда-сюда сновали люди и вещами и без, стремясь попасть в ту или иную галактику, где по прежнему продолжалась жизнь, и каждый жил, имея свои собственные интересы.

Как обычно, вокруг царил суев, и если бы не роботы-координаторы – строгие парни в синих комбинезонах с эмблемой Земли, всё превратилось бы давно в хаос. Они вежливо и без эмоций направляли потоки людской массы по определённому руслу.

Время от времени надоедливое жужжание людских голосов прерывалось упорядоченным баритоном диктора, объявляющего посадку на тот или иной рейс. Другой женский голос диктора объявлял прибытие того или иного космолёта, либо грузового, либо пассажирского.

На табло высвечивалось время, действительное сразу на двадцати четырёх галактиках, заключивших три года назад между собой союз под названием «Межгалактическое Братство»; время было совершенно разное на том или ином табло, и один цвет отличался от другого, так что создавалось впечатление очень красочной радуги.

То здесь, то там мелькали представители созвездия Центурион, отличавшиеся водянистыми глазами, ничего не выражающими, и высокомерием, которое они демонстрировали при каждом удобном случае.

Фиолетовые глаза Клары наконец отыскали грудку коробок, сложенных аккуратно одна на другую и помещённых на эвакуатор, которым управлял старательный биоробот.

Кстати, ко всеобщему прискорбию и Олимпии, и Александра внешность биороботов, так напоминавших до недавнего времени землян, претерпела существенные изменения. Теперь они стали в большинстве своём похожими на центуриан, и это больше всего огорчало обоих.

-

Увы, но это так, - была вынуждена согласиться Клара, прочитав мысли Олимпии, и чтобы не думать о неприятном, спросила: - Ведь, надеюсь, вы же не откажетесь поселиться в нашем скромном домике? Нам с Винвальдом с недавнего времени стало в нём пусто, а дом очень просторен. К тому же, мисс Олимпия, Вас ждёт приятный сюрприз.

К несчастью Сандерс, который временно отлучился на период их короткого разговора в буфет за мороженым, возвращался. В руках он нёс три пары разноцветных эскимо.

Олимпия с сожалением вздохнула, потому что в присутствии Сандерса она не могла чувствовать себя столь же свободной, как без него.

К тому же в её мозг прокралась навязчивая идея, что этот наглец не прочь бы затащить её к себе в постель.

-

Что за сюрприз? – спросила девушка.

Клара и Винвальд одновременно улыбнулись ей своими добродушными улыбками.

-

Дома тебя ждут очень приятные гости, - выпалила Клара.

-

Кто они?

-

Пусть это станет для тебя неожиданностью, Олимпия, но я уверен, ты будешь искренне рада, когда вернёшься домой и сама увидишь их.

-

Домой? – спросила Олимпия. Слово «дом» показалось ей таким близким и в то же время таким далёким, как никогда.

-

Ну, да, домой, ведь с этой минуты наш дом – твой дом.

Сандерс, подошедший как раз по окончании разговора протянул ей пару эскимо с сильным ванильным запахом. Олимпия поморщилась:

-

О, нет, спасибо, - запротестовала она, - Я уже недавно поела в дороге и совсем не голодна. К тому же, я не люблю эскимо.

...Олимпия кинулась с восторгом на шею Густава Миллера – гордого рыцаря Межзвёздного Ордена Рыцарей Земли. Этот Орден являлся продолжателем идей тамплиеров.

Густав был во всей своей красе. На его стройное крепкое и упругое тело были надеты доспехи средневековых богатырей.

Однако Олимпия была уверена, что даже если на Густава одеть те самые металлические доспехи, которыми когда-то пользовались знаменитые тамплиеры, он бы с лёгкостью носил их, и не только с показной лёгкостью, но и реальной.

Чёрные густые волнистые волосы Густава были посеребрены редкими прядями, и это здорово украшало его.

Он был по прежнему силён, красив, мужественен, и Олимпия до сих пор была уверена в том, что море женщин являлись поклонницами Густава. Он покорял женские сердца, как садовник срывает лепестки роз.

«Возможно, он стал бы моим рыцарем, - подумала Олимпия, - Но я не могу воспринимать его, как мужчину, а как близкого друга моего отца».

Миллер покачал головой, разглядывая стройную фигурку девушки:

-

Мила! Очень мила! Весьма мила! - сказал он, - Как же она мила!

-

Так же, как и Вы, Густав! Я так давно вас не видела. Я так давно не видела Землю!

-

Всего четыре года.

-

Четыре мучительных года! Это время тянулось для меня, как неповоротливая галапагосская черепаха!

-

Могу представить себе, детка, ведь ты, как и твой отец, так любили эту удивительную планету. Впрочем, так же, как люблю её и я.

-

Ну, теперь-то я никуда отсюда не денусь.

Густав кивнул:

-

Да-да, я получил электронное письмо от Ги. Он попросил меня посодействовать тебе, ведь ты хочешь учиться в КосмоШколе.

Олимпия кивнула:

-

Это – моя давняя мечта.

Густав улыбнулся:

-

Разве можно было ожидать чего-то другого от дочери Артура?

-

Я хочу продолжить дело отца.

Лицо Миллера вдруг стало серьёзным:

-

Завтра я свожу тебя к директору Школы мистеру Майлсу, он – мой давний близкий друг, но...

Миллер поднял указательный палец вверх:

-

Но, ради Бога, Лимпи, прошу тебя, будь предельно осторожна. Ты даже не представляешь себе, как опасен Айрон, как коварны и хитры его вездесущие агенты.

-

Я представляю, я очень хорошо себе это представляю, Густав, - произнесла Олимпия.

Он покачал головой:

-

Нет! Ты не представляешь. В тебе говорит пока твой юношеский максимализм, уверяю тебя, это только на первых порах, потому что на Меркурии тебя не ждала опасность на каждом шагу.

-

Айрон разослал диски с поисками великой преступницы его режима – то есть, меня, Олимпии Крейг, с указанием всех моих параметров. Но сейчас я – не Олимпия Крейг, а никому не известная Виктория Баретто.

-

И всё же, девочка, я призываю тебя к осторожности.

Олимпия посмотрела на стоявшую позади Густава женщину. Она была очень красивой. На её стройную фигуру было одето древнеегипетское платье, напоминавшее длинное платье, сотканное из тончайших золотых нитей. В длинные чёрные волосы были вплетены золотые цветы, которые смотрелись довольно эффектно. У женщины была смуглая кожа с бронзовым оттенком. Глаза по форме напоминали орех миндаля и были очень выразительными. Олимпия обратила внимание на то, что у незнакомки были пухлые красивые губы, напоминающие лепестки роз. На её груди было довольно массивное ожерелье в форме Солнца с большим алмазом в самом центре этого драгоценного Солнца.

Некоторое время прекрасная незнакомка и Олимпия смотрели друг на друга, и казалось, изучали друг друга.

-

Кто это? – спросила Олимпия, продолжая наблюдать за загадочной незнакомкой, - Я помню уроки истории, где я изучала древний мир. Так выглядели люди в Древнем Египте. Неужели механизм, позволяющий проникать в далёкое прошлое, уже изобретён?

-

Нет, но в лабораториях Межгалактического Содружества над этой проблемой ведётся серьёзная работа.

-

Но тогда кто же эта женщина?

Миллер покраснел:

-

Её имя – Ахиль.

-

Ахиль? Должно быть, она нездешняя, - сказала Олимпия.

-

Ахиль с галактики Хатхор.

-

Это не та ли галактика, где правит Амон-Раа 58-ой, ведущий двойную игру и вступивший в порочащую его сделку с Айроном? – спросила Олимпия.

Упрёк был слишком очевиден.

-

Ты права, - произнёс Густав, - это та самая галактика.

-

Я слышала, что их технологии слишком развиты и намного превосходят земные. Их роботы способны испытывать человеческие чувства и эмоции.

Она заметила, что лицо Густва стало ещё краснее.

-

Ахиль – биоробот.

Лёгкая усмешка тронула подвижные губы Олимпии.

-

Биоробот? Это то же самое, что жало змеи внутри яблока. В таком случае яблоко всегда опасно.

-

Нет! Ахиль не такая!

-

Не такая! По моему опыту роботы никогда не бывают преданными.

-

Но как же тогда Тина? – возразил Густав, - Насколько мне известно, Тина очень предана тебе.

-

Тина – другое дело.

-

Ахиль – тоже!

Олимпия посмотрела на своего смутившегося собеседника:

-

Ты её любишь? Любишь, ведь это правда?

-

Да.

Густав опустил голову и посмотрел на сияющий зеркальный пол в доме Винвальда и Клары. Пол отразил все лица, присутствовавшие в комнате. От Олимпии не укрылось то, что

Ахиль слегка вздрогнула и отвернулась. Олимпия улыбнулась, и на этот раз её глаза просияли добрым блеском. Она кивнула в сторону египтянки, протянула ей правую руку:

-
Подойди ко мне.

Ахиль повиновалась и, выйдя верёд, приблизилась к сидению Олимпии.

Золото её одежд заблестело разноцветными сияющими бликами в огнях причудливых светильников, сделанных в форме цветов лилий и кувшинок. Они располагались в шахматном порядке, от одних исходил фиолетовый цвет, от других (лилий) – зеленоватый. И все эти цвета отражались на глянцевом полу.

-
Так значит, твоё имя Ахиль? – спросила Олимпия, всё ещё разглядывая свою необычную гостью.

-
Да, госпожа.

-
Не называй меня «госпожой», я равная тебе по разуму и воле.

-
Но ведь я – биоробот, все считают нас, биороботов, не людьми, а существами второго сорта.

-
По крайней мере, это ко мне не относится, - сказала Олимпия, - Если ты за справедливость, дружбу, мужество и добрую волю, не имеет значения твоё происхождение.

Улыбка осветила красивое личико Олимпии.

-
Встань с колен, я – не твоя хозяйка, а ты – не моя рабыня. Я – твоя сестра, как и ты – мне тоже сестра.

При этом Олимпия коснулась своего сердца, затем поднесла свою ладонь к сердцу Ахиль.

-
Пусть в груди твоей не бьётся сердце, как в моей, но оно у тебя есть.

Ахиль, казалось, смутилась, и если бы у неё были слёзы, они несомненно появились бы на её больших миндалевидных глазах.

-
Спасибо, мисс Олимпия, - произнесла Ахиль, - Я не достойна Вас.

-
Здесь достоин каждый.
Густав Миллер преклонил колено, как истинный рыцарь, потомок тамплиеров.

-
Спасибо, Олимпия, что ты приняла мою Ахиль.

-
Я уверена, так поступил бы мой отец, он поддержал бы меня.

-
Я тоже в этом уверен, мисс Олимпия, но я хотел бы ещё немного мороженого. Кстати, здесь подают очень вкусное мороженное с ванильным кремом и ореховой крошкой.

Голос раздался из-за барной стойки, где огни как раз были потушены, и поэтому человека, сидевшего там, не было видно.

Все присутствовавшие обратились к источнику голоса. В темноте был виден только его силуэт.

Чувствуя некоторый всеобщий конфуз, человек из-за стойки вышел в центр комнаты. В его левой руке была стеклянная вазочка с шоколадным мороженым.

-

О, доктор Уинсет!

Олимпия захлопала в ладоши, совсем как маленькая девочка, в её голубых глазах замелькали задорные весёлые огоньки, на её губах заиграли симпатичные ямочки.

На докторе был светлый комбинезон с каким-то нагрудным знаком в виде серебристого круга с голубым кругом в его центре. Это был знак Медицинской Ассоциации Земли.

Он почти не изменился со дня их последней встречи, разве что цвет его лица стал более загорелым, будто большую часть своей жизни он провёл в поездках на те планеты, где Солнце присутствовало круглый год по летоисчислению тех планет. Он внимательно посмотрел на свою бывшую пациентку, особенно на её сияющие голубые глаза.

-

Мисс Олимпия, ведь вы знаете, что я – отличный офтальмолог. Скажите, с какого времени Вы носите линзы, чтобы видеть?

-

Линзы? – Олимпия пожала плечами, - Но у меня нет линз.

-

Этого не может быть! Ваши глаза....

-

Поверьте, док, такие глаза дала мне сама Мать-Природа, - сказала Олимпия, искренне поразившись удивлению доктора.

Оно выразилось во взгляде Уинсета.

-

Вы хотите сказать, что полностью излечились от своей слепоты?

Она кивнула:

-

Да.

-

Невозможно! Невероятно! Кто Вас лечил?

-

Один друг.

Олимпия будто наяву увидела свой давний сон, и Бессмертный глядел на неё через пространство и время с той стороны Реальности.

Он неожиданно подошёл вновь к стойке бара, налил себе немного вина, положил квадратные кубики льда на дно стакана, налил ещё золотистого вина сверху и чуть-чуть встряхнул стакан. Затем отпил немного и поморщился. Вино показалось Уинсету кислым. Впрочем, это было вполне хорошее вино.

-

Ладно, я не стану досаждать тебе, детка. Но надеюсь, что когда-нибудь узнаю эту тайну. Возможно, ты познакомишь меня со своим загадочным другом.

-

Возможно.

Олимпия тоже отпила немного лимонада, стоявшего в стаканчике рядом с её креслом.

-

Мисс Олимпия, - загремел дружелюбный бас Густава, - Артур, мой близкий друг, погиб. Прости меня, что я постоянно говорю об этом, ведь тебе больно слышать о гибели отца, и всё же...

-

И всё же?

Олимпия горестно посмотрела на потомка рода тамплиеров.

-

Мы должны отомстить. Нельзя так просто оставлять эту предательскую смерть.
Олимпия снова кивнула:

-

Я согласна, мой друг, - тихим прерывистым голосом сказала она. Комок рыданий застрял в её горле, - Но ещё не пришло время. Айрон достаточно силен и хитёр. Я уверена в том, что королева Леминия на его стороне. Это не значит, что она предала Движение, но Айрон убедил её в том, что центуриане не сделают на земле ничего плохого, что это «содружество» взаимовыгодно для двух цивилизаций.

-

И что же ты предлагаешь? – Густав испытующе посмотрел на дочь Артура Крейга, доспехи на его плечах зловещим отсветом блеснули.

-

Найти что-нибудь, компрометирующее Айрона.

-

Что?

-

Уверена, время предоставит нам эту возможность.
Олимпия выдержала пронизывающий взгляд серо-голубых глаз Густава Миллера.

-

Но когда?
Она улыбнулась, зная обаяние своих очаровательных ямочек на щеках.

-

Успокойся. Я знаю, что Движение до сих пор существует на Земле, но основную его деятельность пока придётся приостановить.

Кулаки Густава сжались.

-

Одному богу известно, когда судьбе будет угодно подставить Айрона. А я уже не могу видеть всех этих центуриан на моей планете. А их биороботы....

В этот момент в комнату вошла Тина с подносом, на котором стояли салаты.

Она была по-прежнему одета в шёлковое белое японское платье с большим красным шарфом на тонкой шее.

Её чёрные брови сдвинулись к переносице. Ахиль вздрогнула и вжалась в стену.

Пыл Густава поулёгся, он медленно опустил правую руку со сжатым кулаком вниз, глубоко вздохнул.

-

Прости меня, Ахиль....Прости, Тина, я совсем не вас имел в виду.

Ахиль покачала головой с густой шевелюрой иссиня-чёрных волос, её прекрасные карие озёра глаз выразили грусть и сожаление.

-

Моё происхождение всегда будет стоять между нами, и мне никогда ничем не удастся сломать эту вечную грань...Ничем....Даже своей любовью к тебе....Но я способна любить, даже сильнее, чем человек....

Густав промолчал. Всем всё стало ясно – дело, о котором мечтал каждый уважающий себя землянин-патриот, придётся на время забыть. Душа истинного воина Густава Миллера протестовала, сопротивляясь самому себе. Он не мог смириться, но он должен был. Воображаемые слёзы Ахиль сыграли свою роль.

«Было бы лучше, если бы она плакала в реальности, - подумал Миллер, - она ведёт себя, как настоящий мужественный воин, но она – всего лишь женщина, хоть и биоробот».

Он обнял, Ахиль, погладил её по густым иссиня-чёрным волосам.

-

Прости, прости меня.

Тина поставила поднос с мороженым на стеклянный столик, но к нему никто не прикоснулся. Она оставалась серьёзной.

-

Сейчас моё имя – Виктория Баретто, первое имя – Джованния Марселло, и по легенде я – дочь умершего антиквара.

-

Почему антиквара? – спросил марсианин, начальник Первой вооружённой колонны. У него был красноватый цвет лица и ярко-красные волосы.

Раньше среди эскорта своего отца Олимпия никогда не видела этого человека. Но он производил впечатление добродушного военачальника в отличие от остальных марсиан.

Услышав вопрос марсианина, Олимпия пожала плечами:

-

Не знаю, просто Ги эта версия показалась наиболее приемлемой. Почему «антиквар», я и сама не могу ответить более-менее вразумительно, но... - она оглядела всех присутствующих в огромной комнате с глянцевым полом и потолком с десятком встроенных в него светильников, - Сейчас для всех вас, господа, я именно Виктория Баретто, и так и называйте меня отныне.

Марсианин вздохнул:

-

Сегодня во Дворце назначен королевский бал, и туда прибудет весь цвет интеллигенции со всех уголков Земли. Намечается грандиозное событие. Жаль, что Вы не сможете присутствовать на нём, мисс... Виктория.

-

Помнится, когда-то мои родители присутствовали на событиях такого рода. Отец, бывало, рассказывал мне обо всех тонкостях убранства Дворца. Она очень любит стиль эпохи Ренессанса. Даже мне иногда случалось бывать там в лучшие времена. Помню, с остальными детьми я резвилась возле Фонтанов перед самим Дворцом. Там очень красивые фонтаны.

И Олимпия принялась рассказывать о своих ярких впечатлениях, во всех красках описывая убранство королевского Дворца.

Все слушали её, молча, периодически кивая своими разноцветными головами. Они тоже бывали там, и все слова Олимпии в точности совпадали с тем, что они видели в царстве Уюта и Покоя, каким считалась повсеместно резиденция королевы Леминии 13-ой.

Наконец, девушка сказала:

-

Я надеюсь, что когда-нибудь войду в этот Дворец не как поверженная, а как победительница, и королева Леминия сама пригласит меня к себе.

-

Мы тоже надеемся на это, дорогая, - произнесла Сарима – премьер-министр маленькой планеты под названием Астория, находящейся в Первом Поясе после Пояса Астероидов.

Это была первая женщина в галактике Рамнус, соседней с галактикой Хатхор, которой удалось так высоко подняться по карьерной лестнице и занять такую видную должность в Правительстве.

Олимпия краем глаза видела, как в презрительной ухмылке сузились глаза молодчика Сандерса, и ей стало не по себе.

.....

...Мистер Майлс представлял собой ухоженного подтянутого человека с короткой стрижкой каштановых волос. На его правой руке был массивный синий перстень, который отбрасывал на окружающее пространство яркие сияющие блики с голубоватыми отсветами. Этот перстень составлял, пожалуй, единственное украшение в строгой официальной обстановке директора Космологической Школы Земли.

Он располагался на сотовом этаже высокого небоскрёба, каких было достаточно много во всей Ассинии – столице Земли.

Майлс был в серебристом комбинезоне с нагрудным знаком планеты Земля. Раньше подобную одежду носили участники Движения Сопротивления. Теперь же она превратилась в обычную униформу землян, потому что как нельзя лучше вписывалась в окружающую картину Земли.

И к тому же, подобная униформа, как нельзя лучше подходила Майлсу, подчёркивая его строгий смуглый профиль. Он, как и многие земляне, любил проводить уик-энды где-нибудь на жарких планетах Первого Пояса или на худой конец, на Меркурии, так как центуриане ещё не успели захватить власть на этой маленькой загадочной планете.

Майлс налил немного газировки в стеклянный стакан, проследил, как от ровной поверхности золотистой на вид жидкости отходят маленькие пузырьки и лопаются, издавая шипучий звук. Их было так много, что звук этот получался сплошным.

Поднял стакан, и сквозь прозрачную жидкость посмотрел на пришедших к нему. Это были Олимпия и Густав Миллер. Тонкая, как натянутая струна, секретарша Аллочка, предусмотрительно вышла из кабинета на своих высоких каблуках-шпильках. У неё были огромные серьги-шары с маленькими шипами, которые сверкали при каждом её движении.

Майлс, изучив представленные ему документы, нажал на кнопку монитора. Экран свернулся в маленькую точку, которая тотчас же исчезла. Затем внимательно посмотрел на Олимпию, перевёл взгляд на Густава Миллера.

-

Значит, вы хотите обучаться в нашей Школе, мисс Виктория?

-

Да, мистер Майлс.

Он кивнул:

-

Вы отлично справились с тестами, которые мы Вам выслали, но...., - лёгкая улыбка появилась на загорелом лице директора КосмоШколы, - Но ведь Ваше имя совсем не Виктория Баретто, и Вы – не дочь покойного итальянского антиквара.

Краска смущения прилила к симпатичному личику Олимпии:

-

Вы ...Вы правы, я – Олимпия Крейг.

Майлс поставил стакан обратно на стол.

-

Знаете, а ведь я всегда считал себя последователем и поклонником Вашего отца. Вы мне можете довериться полностью, я никогда не выдам вас Айрону. Для всех вы – Виктория Баретто.

-

Спасибо.

Густав едва заметно похлопал Олимпию по плечу.

-

Ну что ж, мистер Майлс, с завтрашнего дня мы можем начинать? – спросил он.

-

Да, - Майлс улыбнулся, - Школа Космологии ждёт Вас завтра, мисс Виктория.

И словно во сне через Пространство и Время она увидела, как Бессмертный подмигнул ей....

ГЛАВА 2

«НОВЫЙ ГОД»

....Новый 2631-й год оказался для студента первого курса КосмоШколы Земли Виктора Мервина очень печальным.

Погибла Наташа. Он даже не мог предположить раньше, какой нелепой окажется её гибель. Накануне они поссорились, как и многие земляне, которые ссорятся, а затем снова мирятся. Но всё было совсем не так, как он предполагал. Ситуация, казалось, вышла из-под контроля. Наташа взяла воздухолёт с повреждённым двигателем, полетела на плоскогорье за пределы Ассинии. Возможно, она хотела только побыть одной, всё обдумать. Может быть, ею владели другие чувства, Виктор этого не знал.

Да и кто способен знать, что сулит нам будущее? Во всяком случае, не он. Он не знал, что произошло на том проклятом плоскогорье, просто через день нашли её тело в котловане, а неподалёку валялся сломанный воздухолёт.

Изуродованное тело Наташи....Он не хотел об этом думать, потому что считал виноватым себя. Да, именно себя. Если бы они не поссорились, если бы он сам первым позвонил ей и предложил встретиться, она бы не улетела одна на плоскогорье.

Или во всяком случае, они улетели бы вместе.... Да, именно всё было бы именно так.

Виктор сжал руки в кулаках.

На узкой мощёной улочке, отходящей от Центральной Площади, было темно, потому что здесь почти не было неоновых ламп в отличие от Центра.

Ветер усиливался. Уже содранные с городских стен плакаты, установленные и вывешенные на зданиях устроителями праздника, скрывали в себе поздравления.

«С Новым 2631-м годом! – прочёл Виктор, - Пусть этот год станет самым счастливым для вас, жители Земли!»

Он отвернулся.

«Он уже никогда не станет счастливым, - в отчаянии подумал Виктор, - Потому что нет моей Наташи!»

Её нет и больше никогда не будет. И даже та новенькая, которая была вчера в классе, так поразительно похожая на неё, всё равно это не его Наташа.

Но, боже мой, как она похожа, тот же рот, та же форма глаз. Только цвет глаз у Наташи был зелёным, а у этой новенькой Виктории он голубой.

Нет, это не его Наташа!

Да, кстати, как её зовут? Виктория...

Значит, «победа», но он никогда не станет победителем, потому что потерял ту, которую любил.

Неоновые огни на площади ярко горели, высвечивая знакомую надпись: «С Новым Годом!»

Дул сильный ветер, и случайные прохожие сильнее нахлобучивали на себя шапки, закутывались в одежду, неспособную защитить тебя от морозов.

По площади туда-сюда летали украшенные мишурой воздухолёты, люди, как по накатанной колее поздравляли друг друга с новым годом, повторяя давно заученные фразы, произносимые миллионы раз из века в век.

Жизнь продолжалась, и она была такой же, как и раньше для всех.... Но не для него. Не для Виктора Мервина, студента первого курса Школы Космологии.

Порыв ветра, доносившийся откуда-то с запада на какую-то долю секунды задержал его дыхание. Виктор сощурился, посмотрел в сторону площади, где всё ещё мерцали холодные неоновые огни да бездумно летали воздухолёты. Над огромной Ассинией, раскинувшейся над огромной территорией Земли в воздушных шарах-бунгало, где жили лишь аристократы и вся элита города, своим чередом шло веселье.

Как и в старые добрые времена в высоких бокалах пенилось шампанское, люди по-прежнему желали друг другу счастья, здоровья, богатства и всяческих благ. Он вспомнил лица своих одноклассников: белокурого весельчака Сержа, любителя поразвлечься и особенно с девочками; Макса – серьёзного и умного, увлекающегося техникой и всегда что-то изобретающего; Элен – симпатичную девушку, старосту класса.

Кажется, он немного нравился Элен, он читал это в её голубых глазах. Жаль, что он ничем не выделял из остального окружения эту славную девушку.

Наверное, Макс жутко ревновал, ведь он всегда смотрел в их сторону с какой-то злобой или, возможно, с некоторым отчуждением, особенно когда Элен подходила к Виктору, даже просто сказать банальное: «Привет! Как дела!»

Или ему это тоже только казалось? Хорошо, что в его классе не было ни одного центуриана, да и в остальных их насчитывалось не так уж много. Представители Центуриона не проявляли особых способностей к Космосу, зато он часто оказывался свидетелем их заносчивости в кафе или вот даже на этих вот самых улицах Ассинии.

И вновь хорошенькое личико Наташи встало перед его глазами. Если бы он был девчонкой, он разрешил бы себе немного всплакнуть, но он – мужчина, пусть и в семнадцать лет. Он должен быть сильным. Так, во всяком случае, всегда говорил ему отец – Капитан Дальнего Следования.

Отец уже прославился во многих экспедициях, был непримиримым к человеческим слабостям, к которым он относил, конечно же, слёзы, даже если это были слёзы, принадлежащие его родным и близким. Эндрю Мервин – первый капитан Дальнего Следования, отважный и сильный, и такой же нестигаемый, как гранит.

А если это не лицо Наташи он только что мысленно увидел перед собой? Если это было лицо этой новенькой Виктории, ведь они же так похожи, как две капли воды, хоть и никогда не встречались друг с другом?

Виктор тут же прогнал от себя подальше эту предательскую мысль. Он не должен!

В память о Наташе и о своей первой любви он не должен даже допустить ни одной мысли ни о ком, пусть даже и очень похожем на неё.

Почему судьбе так было угодно, чтобы новенькая пришла именно в его класс особенно после гибели Наташи! Может быть, таким образом эта самая судьба смеялась над ним, простым человеком с его слабостями, пустыми надеждами и желанием любить?

Виктор с вызовом поднял глаза к небу и увидел на нём тысячи, десятки тысяч звёзд, которые мерцали оттуда, с другой стороны. Это словно сама Наташа смотрела на него своими сияющими огромными зелёными глазами и шептала: «Успокойся. Всё будет хорошо». Он готов был поклясться себе, что слышал этот шёпот.

-

О, Викки, где ты так долго был? Серж, Макс переживают, места себе не находят. Вчера они были у тебя, твои только руками разводят, не знают, где ты скрываешься.

Виктор поднял голову в сторону довольно приятного женского голоса. В полуметре от него завис воздухолёт последней марки, а за пультом его управления сидела Элен в совершенно новеньком серебристом комбинезоне с нагрудным знаком Земли. Её короткие волосы в этот ночной час казались почти серебристыми в свете неоновых мигающих огней. Они то освещали её лицо, то вновь тускнели, и это повторялось несколько раз в минуту, как играющая мишура на новогодней ёлке.

Голубые глаза Элен выдавали в ней беспокойство и переживание, и это затронуло Виктора.

Он тряхнул головой, словно пытался сбросить со своих мыслей наваждение.

-

Прости меня, Элен, я – дурак и бесчувственный чурбан, - сказал он, - Ушёл в свою лабораторию, заперся там, напился виски и никого не хотел видеть.

Молчание, воцарившееся между ними на всего какую-то долю секунды, казалось, накалило обстановку. Он видел, как от её рта отходил едва заметный голубоватый дымок, когда она дышала. Он знал, это от холода.

Вдруг в углу её глаза появилась прозрачная слеза, которая скатилась по розовой от мороза щеке. Виктор коснулся щеки Элен, попробовал слезу на вкус.

-

Солёная.

Улыбнулся.

Элен тоже улыбнулась в ответ, правда улыбались лишь уголки её губ, глаза же оставались серьёзными и даже печальными.

-

Я понимаю, ты расстроился из-за Наташи, - произнесла Элен, - И я сочувствую тебе, но..., - она сделала паузу, - прошлого уже не вернуть.

-

Да, - нехотя согласился Виктор, - Да, это так.

Элен ещё раз улыбнулась, только сейчас в голубых глазах её мелькнули огоньки радости.

-

У меня для тебя хорошая новость. Ты ведь всегда мечтал стать участником экспедиции. Как раз впереди каникулы, и директор, мистер Майлс, набирает команду на Юпитер. Я попросила, как староста Совета Школы, включить тебя в состав экипажа.

Лицо Виктора просияло, ещё немного, и он расцеловал бы её, но сдержался.

-

Ну, ты доволен?

-

Да! Ты даже не представляешь, Элен, что ты для меня сделала!

Она приблизилась к поверхности земли на своём воздухолёте, нажала на кнопку, прозрачная пластиковая дверца воздухолёта опустилась, соблазняя его залезть внутрь и удобно устроиться на мягком сиденье.

-

Может, полетим ко мне. Ты устал и нуждаешься в отдыхе.

-

К тебе? А твои родоки не будут против? – спросил Виктор.

Элен махнула рукой:

-

Они отдыхают на Гаваях, хотели, чтобы я во время каникул присоединилась к ним, а я....

-

А ты предпочла экспедицию из-за меня, - закончил Виктор.

Элен завертела головой:

-

Нет, я предпочла экспедицию, чтобы доказать себе, что я ещё чего-то стою в этой жизни.

Виктор посмотрел в лицо девушки. Она была мужественной и красивой, совсем такой, о какой можно было только мечтать....

-

А Макс?

-

Что Макс?

-

Ты думаешь, он будет не против нашего randevу?

Улыбка сошла с симпатичного лица Элен.

-

При чём тут Макс! Он – умный парень, постоянно придумывает какие-то штучки, и даже в прошлом году выиграл на конкурсе изобретателей, но....

Она замолчала, не находя больше слов.

-

Но он тебе безразличен.

Элен опустила белокурую голову, избегая его взгляда.

-

Я не хочу говорить об этом.

-

Понимаю.

Он хотел сказать что-то ещё, но слова не шли, и Виктор промолчал.

-

Ну, так ты едешь?

-

Угу.

Воздухолёт оторвался от земли и плавно заскользил в воздушном пространстве, направляясь в сторону городской площади, где было много света.

...Элен жила с родителями на восемьдесят четвёртом этаже огромной многоэтажной высотки, откуда весь город был виден почти как на ладони. Родители Элен считались людьми состоятельными и могли себе позволить купить воздушное бунгало, подобно многим аристократам планеты Земля. Однако наподобие консерваторам они предпочитали старый стиль, потому что до сих пор не могли привыкнуть к нововведениям, и им казалось дикостью всё, что происходило вокруг них.

Правда Элен также могла снимать жильё отдельно от родителей, как и большинство её одноклассников, но она предпочитала укрепление семьи, потому что ей казалось, что это объединяет людей.

Комната Элен была вся в зеркалах, поэтому Виктор мог видеть своё отражение сразу же в нескольких плоскостях. Его лицо показалось ему бледным и каким-то даже отчуждённым.

Они растворялись друг в друге, их тела слились в едином порыве страсти; они были молоды, и им казалось, что вся жизнь у них впереди. Он ласкал её волосы, бёдра, груди; Элен отвечала на его ласки так, как только может отвечать искренне любящее сердце.

Когда их объятия, наконец, разомкнулись, Виктор вышел на балкон, закурил сигарету и уставился в сияющие горошины звёзд, которые казались в этот ночной час огромными живыми существами. Ему казалось, что эти существа перемигивались друг с другом. Да, они были живыми, они всё ощущали, всё чувствовали, как и он.

Было холодно, но Виктор не почувствовал порыва ветра, на нём были только штаны.

-

Ты уже здесь?

Виктор не заметил, как Элен оказалась рядом с ним. В руках она держала поднос с коктейлем. Виктор посмотрел на тонкую соломинку, выставившуюся из глубины стакана.

-

Звёзды....Они так низко сегодня.

-

Да.

Она обратила внимание на то, каким грустным был его взгляд.

-

Ты переживаешь из-за Наташи? – решила спросить Элен. Ей с трудом дался этот вопрос, она боялась его обидеть, бросить опрометчивое слово, способное разрушить всё, все отношения, нарождающееся между ними, - Я понимаю, ведь она была моей подругой...Ужасная смерть. Говорят, её тело было сильно изуродовано, говорят....

-

Элен! Прошу тебя, не надо!

Виктор схватился за голову, крик сам собой вырвался из его горла, и он уже пожалел об этом.

-

Прости меня, я не должен был так говорить. Я не должен был выходить из себя.

-

Это ты прости меня, ты ведь любил Наташу, и весь класс знал об этом, - она с тревогой посмотрела в холодные, как лёд, серые глаза Виктора, - Мне показалось, что...что новенькая Виктория Баретто очень похожа на....

-

Тебе не показалось! – жёстко ответил Виктор, - Тебе не показалось, Элен.

-

Может, я поговорю с мистером Лесли, классным руководителем, чтобы её перевели в другой класс. Ведь она всегда будет тебе живым напоминанием о.....о

Она не договорила.

-

Нет!

-

Она тебе нравится? – вопрос прозвучал упрёком.

-

Она не может мне нравиться, потому что...потому что она – не моя Наташа.

-

И всё же, она нравится тебе. Я чувствую это.

Виктор не ответил.

Только сейчас Элен ощутила дикий холод, проникающий в каждую клеточку её стройного, как у пантеры, тела, так она была почти обнажённой, если не считать широкого золотого пояса на её тонкой талии.

Виктор набросил на её плечи плед.

-

Пойдём в комнату, здесь слишком холодно.

Элен протянула ему поднос.

-

Хочешь коктейль? – спросила она.

-

Да, но только в комнате.

В комнате Элен было тепло и пахло розами. Виктор выбросил остаток сигареты, который полетел вниз маленьким горящим пучком.

Он смотрел на неё, такую любящую и такую красивую, но ничего не испытывал к ней, ничего из того, что должен был испытывать. Виктор злился на себя из-за этого, но ничего не мог с собой поделать.

Он поставил стаканчик с коктейлем обратно на стеклянный столик. Элен смотрела на него и посасывала свой коктейль через тонкую соломинку, смотрела на Виктора, пытаясь понять, о чём он думал.

-
Элен..., - прошептал Виктор, и шёпот этот прозвучал единым вздохом.

-
Что?

-
Мы не должны были этого делать.
Её томные загадочные глаза продолжали смотреть на него.

-
Мы не должны были так далеко заходить.

-
Почему? – едва слышно спросила Элен, - Почему?
Он резко пожал плечами:

-
Не знаю, Элен. Это неправильно, так не должно быть.
Элен вздохнула:

-
Ты не любишь меня.

Подсознательно она надеялась, что он опровергнет её слова, но он снова промолчал. Она в отчаянии села на широкую кровать в ворохе покрывал и зеркал, обняла колени руками, сжалась в комок, словно маленький испуганный никому не нужный зверёк.

-
Ты доволен, что включён в состав экипажа? – наконец, спросила она.

-
Спасибо тебе.

Виктор крепко обнял девушку и долго прижимал её к себе, боясь, что она неожиданно исчезнет, и её больше не будет с ним. Но она была рядом желанная и милая.

-
А ты полетишь? – спросил Виктор.

-
Да, - коротко ответила Элен, глаза её переполнились слезами. Она плакала, она была в отчаянии, её душа была истерзана усталостью и болью.

-
Я никогда не хочу расставаться с тобой, Элен, - прошептал Виктор и ещё сильнее прижал её к своему телу, - Никогда! Ты слышишь!

Однако его мысли унеслись в огромные бездонные глаза новенькой с Меркурия, и он возненавидел себя за это.

.....

Владислав Лесли представлял собой высокого сухопарого человека со светлыми волосами и тонкими губами, разрезающими его худое лицо на две части. Он носил очки, категорически игнорируя линзы, потому что так его глаза казались больше.

Многие из Школы недолюбливали Лесли за то, что он симпатизировал центурианам, испытывая особую благосклонность к Айрону, и многих это раздражало.

Владислав Лесли скривил свои тонкие губы в презрительной усмешке, когда на пороге класса появился Виктор Мервин.

Мервин виновато понурился, переминулся с ноги на ногу.

-

Ах да, сегодня у нас на закуску опоздавшие и зlostные прогульщики, - прокомментировал Лесли.

-

Я прошу прощения, - пробормотал Виктор.

Ему с трудом стоило выдавить из себя эту жалкую фразу, потому что он терпеть не мог Лесли за его угодливость и слащавость перед центурианами и режимом Айрона.

Лесли тоже не долюбил этого свободолюбивого юношу, всегда гордого и независимого, способного пойти на любой принцип ради Истины.

Он ненавидел всех Мервинов вместе взятых, так как ему случилось познакомиться с его отцом Эндрю – человеком с несгибаемой волей и орлиным профилем.

Эндрю считал Лесли подхалимом, человеком ничего не стоящим в Космологии с недалёким умом.

«Такие способны продвигаться по служебной лестнице, если только кому-нибудь вылижут, как следует, зад», - говорил Капитан Дальнего Следования.

Владислав Лесли оценивающе взглянул на вошедшего Виктора.

-

Виктор Мервин, не удосужитесь ли Вы сообщить нам, где Вы были последние два дня?

-

Я...я...

Лесли вновь ухмыльнулся:

-

Ясно, вы предпочли отмечать Новый Год на полную катушку.

Виктор с ненавистью во взгляде посмотрел на преподавателя Космобиологии.

-

Я прошу прощения, сэр, этого больше не повторится, - отчеканил юноша.

-

Отлично. Если бы не Ваш отец, который считается видным чиновником в Совете города, Ваши дела обстояли бы иначе. Прошу садиться.

Виктор прошёл между рядами и остановился за своим столом, не решаясь, однако, присесть.

Он упорно смотрел на свою соседку по столу. Это была Виктория Баретто, которая с вызовом взглянула на него. Виктор вздрогнул.

-

Вам требуется особое приглашение, чтобы сесть? – Лесли иронически усмехнулся.

Тридцать две пары глаз наблюдали за Виктором, за каждым его движением, и это смутило его. Он покраснел.

-

Почему она здесь? – небрежно бросил он, кивая на Олимпию.

-

Ба! Разве Вы не в курсе, сэр Мервин, что в наш класс принята ещё одна ученица? Её зовут Виктория Баретто, и за неё ходатайствовал сам директор...

-

Меня не интересует, кто за неё ходатайствовал. Я просто не хочу, чтобы она сидела здесь.

-

О, позвольте поинтересоваться, - Лесли скривился, это не предвещало ничего хорошего. Виктор знал по собственному опыту.

-

Раньше это место принадлежало Наташе Кочетовой.

-

И Вы намерены поставить памятник этой девушке?

-

Нет.

-

Она что, была святой?

Виктор не помнил, как размахнулся и ударил Лесли по лицу. Из губы преподавателя потекла кровь.

Дрожавшей от гнева рукой, красный, как рак, Лесли указал на дверь.

-

Вон! Вон отсюда! Я буду просить Майлса, чтобы он вышвырнул тебя из Школы, ублюдок! Всё, что Виктор запомнил в тот момент, было перекошенное ненавистью лицо Владислава Лесли.

-

И мне наплевать, что твой отец – видное лицо города.

Он судорожно схватил пульт, нажал знакомую кнопку. Через минуту в дверях появилась мощная фигура Каспера – робота-уборщика в ярко-синей униформе.. Таких роботов-уборщиков было по двое на каждом этаже, однако Каспер пользовался особой привилегией. Он сопровождал учеников в кабинет директора – «ритуал», введённый мистером Майлсом в прошлом году.

Лесли приложил носовой платок к распухшей губе и процедил сквозь зубы:

-

Каспер, проводи Мервина к директору.

Робот понимающе кивнул:

-

Слушаюсь, мистер Лесли.

Когда Виктор выходил из кабинета, он увидел тронутое тревогой лицо Элен, её щёки пылали, она была готова сорваться с места и заступиться за него, только ему это было совсем не нужно.

В конце концов, он – мужчина и способен позаботиться о себе сам, иначе он – не Виктор Мервин.

Он вышел из кабинета, впереди него простирался длинный коридор, заканчивающийся в самом конце лифтом.

Каспер нравился Виктору, и он даже был рад тому, что именно этот биоробот сопровождал его. У него были светлые глаза, совсем как у младенца.

Каспер похлопал Виктора по плечу, когда они оказались вдвоём.

-

Ну, что, друг, пришёл день, и за тебя взялись.

Виктор пожал плечами:

-

Лесли получил по заслугам.

-

Ого! Ты ударил самого Лесли?

-

Да, и ничуть не жалею об этом.

-

Ну, тогда мужайся, директор, кажется, сегодня не в духе.

Матовые двери лифта бесшумно задвинулись за ними, и миниатюрная кабинка понеслась на последний этаж высотки.

Нравилась ли Виктору космобиология? Да, можно сказать, он восхищался этим предметом, с интересом наблюдал за странными существами, привезёнными с других планет и галактик. Эти животные содержались в лаборатории Школы и выставлялись на обозрение в классе каждый раз в соответствии с темами занятий.

Они были разных цветов и оттенков, имели перепонки на лапах, у многих из них вместо кожи была чешуя.

Некоторых они препарировали, чтобы подробно изучить строение внутренних органов, скелета.

В такие дни Виктор старался прогулять лабораторные часы или отсидеться где-нибудь в буфете, потому что он не мог спокойно наблюдать за тем, как кого-то подвергают пыткам. Виктор был категорически против насилия, поэтому отец иногда называл его «слонтяем».

«Ты должен быть мужчиной, - говорил Эндрю, - А в космосе случается применять насилие».

«Я за дипломатию», - отвечал Виктор. Он считал себя уверенным в своей правоте и настаивал на этом, несмотря на авторитет отца.

Лесли осклабился после того, как Виктор в сопровождении Каспера покинули кабинет. В его водянистых глазках, похожих на лёд и чем-то на безжизненные глаза центуриан, вспыхнули злобные огоньки.

-

Макс Мэллоуин! Вы не поняли, если Вы будете проявлять недовольство, Вас постигнет та же участь, что и Вашего друга.

Макс был высоким стройным парнем в очках, так как не любил линзы; у него были тёмно-каштановые волосы довольно густые, которые формировали на его голове большую густую шапку. Многие в классе называли этого красавца «лунатиком», многие – «вундеркиндом» и всё из-за того, что Макс мечтал в будущем открыть свою лабораторию, в которой хотел с помощью экспериментов впервые создать живой организм, соединив его составные химические элементы.

«Это будет открытием эпохи, так как ещё ни одному учёному никогда не удавалось синтезировать жизнь», - считал Макс.

Он скорчил гримасу после того, как Виктор вышел, и это не осталось незамеченным для Владислава Лесли.

-

И Вы, Серж Рэдфорд Младший! – он показал на белокурого подростка с выдающимися вперед скулами и чуть раскосыми голубыми глазами.

У Сержа были кудрявые волосы, и он считался весельчаком, верзилой, любителей девочек и острых ощущений, и целые вечера просиживал в ночных клубах, посасывая свой коктейль из тонкой пластиковой соломинки. Кто знает, если б его отец, Серж Рэдфорд Старший, не был директором Ассоциации Космических Исследований, этот повеса был бы давно исключён из Школы и искал бы свою цель где-нибудь в другом месте.

Он был не серьёзен в учёбе и не понимал, что интересного люди находят в чёрном космосе с мириадами звёзд.

Тем не менее, Макс, Серж, Элен и Виктор составляли ядро класса. Эта четвёрка держалась как-то обособленно; ребята общались со всеми, но в свою группу не принимали новичков.

Однако и в этой группке в последнее время намечался невольный разлад, особенно после того, как влюблённый в Элен Макс Мэллоуин заметил, какими преданными глазами смотрит эта девушка на Виктора Мервина. Это жутко бесило Макса, но он старался не показывать своего отношения к происходящему. Иногда, правда, между ними возникали стычки, но всё это было мелочью жизни по сравнению с тем, какое будущее ждало каждого из них, ведь в Космо-Школе Земли учились лишь избранные, те немногие, что были собраны с остальных галактик Третьего и Четвёртого Поясов, и в том числе и с Земли.

Директор Школы, мистер Алекс Майлс, старался быть беспристрастным и никому из учеников не отдавать предпочтения, однако он любил Землю, и оказалось, что именно студентов с этой маленькой голубой планеты насчитывалось больше всех в Школе.

Центуриане находились в проигрышном меньшинстве, хотя Айрон на будущий год обещал изменить в корне ситуацию.

-

Я добьюсь, чтобы представители высокоцивилизованного Центуриона составляли основной костяк Школы, - с пеной у рта говорил он.

Однако пока ему это не удавалось, и Алекс Майлс ненавидевший Айрона до мозга костей был особенно счастлив.

Макс сжал кулаки.

-

Я ничего не сделал, мистер Лесли. Виктор – мой друг, и я не хочу, чтобы он уходил из Школы.

-

Поменьше дерзости, Мэллоуин! Иначе я найду на Вас управу.

-

Мистер Лесли, хоть я и ниже Вас по званию и по социальному статусу, я требую уважения к себе.

-

Вы слишком горды, Мэллоуин! Но ничего, после вашей поездки на Юпитер, я добьюсь, чтобы Вы стали шёлковым.

Макс с иронией улыбнулся и посмотрел на преподавателя. В его серых глазах застыло презрение.

-

Интересно, как? – спросил он.

-

Я ничего не обязан Вам объяснять, Мэллоуин! Так, а сейчас продолжим наш урок.

....

Двери лифта плавно раздвинулись на сотом этаже Школы. Виктор вошёл в приёмную директора. Это было обычное помещение с голубыми стенами с серебристым напылением, где царил полный беспорядок, впрочем, как и всегда. Кипа всевозможных бумаг, проектов была разбросана то здесь, то там, и даже на полу.

Секретарша Аллочка барабанила по клавишам компьютера своими длинными пальцами с очень длинными ногтями. Как и все уважающие себя секретарши, Аллочка была блондинкой, носила высокие каблуки на шпильках и строгий синий костюм, состоящий из пиджака и короткой юбки, оголяющей её стройные ноги.

Виктор плюхнулся на мягкий стул-вертушку как раз напротив секретарши. Аллочка улыбнулась ему и продолжила барабанить своими длинными ногтями по клавишам компа.

-

Ну, что, шеф вызывает? – спросила Аллочка, как ни в чём не бывало.

В приёмной пахло кофе. Он стоял в маленьком пластиковом стаканчике на столе Аллочки и дымился. Периодически она попивала его, облизывая свои полные накрашенные перламутровой помадой губы.

-

Да, Алл, скажи, а шеф в хорошем настроении? – спросил Виктор.

Аллочка пожала плечами:

-

С утра был не в духе.

-

Жесть, - в голубых глазах Виктора проскользнуло отчаяние, но он не хотел показывать этого, тем более Аллочка сегодня так очаровательна.

-

Ну, я пошёл.

-

Подожди, Викки.

Аллочка подошла к двери, приложила к ней ухо и долго вслушивалась.

-

Там кто-то есть?

-

Тсс! – Аллочка приложила свой маленький пальчик к губам.

-

Кажется, у него Камилла.

-

Кто кто?

-

Ну, эта психованная лаборантка со старшего потока.

Виктор представил себе мулатку с пышными кудрявыми волосами, которая, кажется была равнодушной к нему. Пару раз он даже встречался с ней «тет-а-тет», и возможно, их интимные отношения продолжились бы, если бы однажды он не встретил Наташу. Она приехала из другого города в их класс...так же, как и эта новенькая Виктория Баретто.

-

Камилла Реверс? Что ей нужно от директора? – спросил Виктор.

Аллочка пожала плечами:

-

Ну, не знаю, не могу сейчас ничего сказать, Викки. Вообще-то она девушка со странно-стями.

Виктор усмехнулся, повторно представив себе смуглокожую мулатку.

Однако у него не было времени предаваться своим воспоминаниям, потому что тотчас двери кабинета директора раздвинулись в противоположные стороны, и оттуда вышла девушка в розово-серебристом комбинезоне с огромными почти с кулак серебристыми шарами-серьгами в ушах.

Она напоминала древнюю египтянку смуглостью своей кожи и полными губами. В руках она держала папку с бумагами, её губы растянулись в улыбке, когда она увидела Виктора. Девушка подошла к нему и похлопала Виктора по ягодицам.

-

Встретимся ещё, красавчик!

-

Уж на это не рассчитывай, дорогуша! – парировал Виктор.

-

А что случилось? Ты занят?

Серебристые шары-серьги в её ушах сверкнули от того, что она слегка дёрнула головой с шапкой густой шевелюры.

-

Нет, просто сейчас я увлечён.

Камилла нахмурилась:

-

Уж не этой ли новенькой Баретто? – спросила она.

Её вопрос прозвучал упрёком.

-

Нет, но и ты уже не вызываешь во мне интереса. Всё в прошлом.

Её колючие чёрные глаза сузились.

-

Ты знаешь, лучше со мной не портить отношений, ведь я имею влияние на Майлса.

-

Отлично. Никогда не сомневался в этом.

-

Один мой звонок может решить твою судьбу. Хочешь я его сделаю?

-

Не стоит.

Виктор отмахнулся от своей бывшей подружки, как от назойливой мухи, и шагнул в кабинет директора.

Камилла Реверс презрительно передёрнула плечами.

...Кабинет мистера Майлса напоминал огромную обсерваторию. Он любил звёзды, любил наблюдать за ними, поэтому потолок его офиса был сделан в форме купола чёрного цвета со звёздным небом.

Конечно, всё это было лишь компьютерной графикой, но всё же, смотрелось это очень красиво.

Несколько мониторов было настроено на длинные коридоры Школы, где работали биороботы-уборщики и расхаживали ровными размеренными шагами роботы-охранники, чтобы просматривать в любой момент состояние Школы, ведь это касалось, прежде всего, личной безопасности такой серьёзной организации, как КосмоШкола Земли.

Все эти роботы были нового поколения, из стареньких оставался лишь Каспер, хотя если честно, Алексу Майлсу были больше по душе те из «старых», так как от новых разило холодом и безразличием.

Зато в перечень их возможностей были включены дополнительные функции, такие, как письмо, счёт, анализ.

Майлс бездумно смотрел на мониторы, барабанил пальцами по столу, и как всегда, допивал свой коктейль с многочисленными шипучими пузырьками внутри. Они плавали на поверхности, вновь ложились на дно, словно микроскопические живые организмы. Мягкий шум задвижных дверей отвлек внимание Майлса. Напротив него стоял Виктор Мервин – высокий красивый парень в серебристом комбинезоне со знаком Земли на груди и удручённым взглядом синих глаз, направленных прямо на директора. Майлс встряхнул головой, думая над тем, с чего начать разговор.

-

А Вы вообще-то очень похожи на Вашего отца, Виктор Мервин.

-

Мой отец – слишком гордый человек.

-

Я знал его, когда ещё служил в пехоте. Надо сказать, отважный он парень.
Майлс поставил второй стакан, налил в него коктейль из большой пластиковой бутылки.

-

Садитесь и угощайтесь.
Виктор сел, чувствуя, что разговор будет недолгим и судьбоносным.

-

Вы знаете, для чего я Вас вызвал? – помолчав немного, произнёс директор.
Виктор вздохнул:

-

Подозреваю. В общем, это касается моего отсутствия в Школе.

-

Да, - Майлс кивнул, - к сожалению, Виктор Мервин, на Вас поступили жлобы от...

-

От мистера Лесли?

-

Увы, но это так.
Майлс поставил допитый стакан на место, вновь забарабанил пальцами по столу.

-

Я, как мог, защищал Вас, зная, что Вы – отличный парень, но..., - Алекс Майлс сделал небольшую паузу, - Но Лесли удалось настроить Совет Школы против Вас. Увы, как бы мне этого не хотелось, я должен подчиниться. Виктор Мервин, Вы исключены из Школы. Вот Ваши документы и личные дела.

С этими словами директор протянул Виктору увесистую папку. Его слова прозвучали как приговор, как набат, сначала откуда-то издалека, затем как будто бы всё ближе и ближе.

Виктор закрыл глаза.

-

А как же экспедиция на Юпитер во время зимних каникул? – спросил он.

-

Да, к сожалению, Вы отстраняетесь от участия в экспедиции.

-

Но как же так, я всю жизнь мечтал об этом, - пробормотал Виктор.

Слова не вязались друг с другом. Он даже впервые не знал, что говорить, потому что отчаяние захлестнуло его целиком.

-

К сожалению, так случается, что наши желания иногда не осуществляются. Вы – талантливый парень, и я бы посоветовал Вам найти себя здесь, на Земле. Я заметил, у Вас есть склонность к технике, и я думаю, у Вас получится освоить новую специальность, ведь в Ассинии много учебных заведений.

Виктор долго смотрел на документы, перелистывал их, бумаги были ровными, гладкими, но он ничего не видел, а как бы смотрел сквозь них.

-

Понимаете, моя девушка погибла и... Я исправлюсь, я больше не буду пропускать занятия.

Он с надеждой посмотрел на директора своими глубокими синими глазами.

-

Я обещаю...

Майлс налил второй стакан, но пить не стал. Маленькие пузырьки снова то появлялись, то исчезали на ровной глади коктейля.

-

Видите ли, Виктор Мервин, - начал он, обдумывая в уме каждое своё будущее слово, - Космос – это стихия, требующая любви, выдержки и холодного рассудка.

-

Я люблю космос.

-

Но не обладаете холодным рассудком. Вы способны попасть под власть эмоций, - взгляд Майлса стал мягче, - Пойми, мой мальчик, я пытаюсь сохранить тебе жизнь. Терять таких парней, как ты – непростительное дело.

-

Жизнь?

Виктор отложил документы в сторону.

-

Но космос – это и есть дело всей моей жизни.

-

Я понимаю, - Майлс кивнул, ему было трудно говорить, - Я потерял слишком много своих друзей – таких же отчаянных парней, как и ты. А мне бы не хотелось этого. В любом случае, желаю Вам удачи, Виктор Мервин. И я знаю одно – Вы достойны своего отца.

Виктор опустил голову:

-

Камилла Реверс тоже входит в состав экипажа? – спросил он.

Майлс вздохнул:

-

Да, Камилла – славная девушка. Она закончила ещё и медицинские курсы и подрабатывает в свободные часы врачом.

-

Она какая-то странная.

Майлс пожал плечами:

-

Возможно, в ней есть что-то настораживающее, но...она мне нравится.

-

И любой звонок Реверс способен изменить Ваше мнение, даже если это – не истина?

-

Вы забываетесь, Виктор Мервин! Я думаю, разговор наш уже окончен!

Глаза Алекса Майлса вдруг стали какими-то холодными, как две льдинки.

Виктор понял, что затронул довольно щекотливую тему.

«Я не должен был лезть туда», - подумал он. Но было уже поздно.

«Интересно, возможно, у Камиллы что-то было с директором».

Эта мысль неожиданно пришла ему в голову, и он сам поразился своей догадливости. Ему ничего не оставалось, как взять свою папку с личными делами и произнести:

-

Я должен идти, сэр.

-

Да-да, - опомнился Алекс Майлс, - я дам Вам хорошие рекомендации, Виктор Мервин. Зайдите ко мне через несколько дней. Все бумаги будут к тому времени подготовлены.

-

Простите, сэр, но я не нуждаюсь ни в каких рекомендациях. Я могу идти? – спросил Мервин упавшим голосом.

Не глядя на него, Майлс ответил, вновь углубившись в созерцание многочисленных мониторов:

-
Да, идите.

...Лифт медленно опустился с восемьдесят четвёртого этажа Школы, и из него вышли Макс, Серж и Виктор. Двери раздвинулись, и перед тремя друзьями возникла площадка с ярко-зелёной искусственной травой. В последние триста лет настоящая считалась большой редкостью, если только в заповедниках на каких-нибудь удалённых планетах. Серж похлопал Виктора по плечу:

-
Что теперь будешь делать?

-
Не знаю. Во всяком случае, отец сочтёт меня неудачником.
Макс нервно передёрнул плечами:

-
Ты знаешь, Элен будет ходатайствовать за тебя. Она думает, что директор послушает её.
А ты как думаешь?

-
Я ничего не думаю.

-
Значит, ты смирился с тем, что тебя исключили из Школы? – спросил Макс.

-
Это ещё ничего не значит.

-
Ну, ты бы хотел войти в состав экипажа на Юпитер? – настаивал Макс.
Виктор посмотрел на друга.

-
А разве это важно сейчас? Во всяком случае, ты и Элен останетесь вместе.

-
Тебе нравится Элен?
Карие глаза Мэллоуина вперились в синие Виктора.

-
Она – красивая девушка, к тому же – отличница и занимается общественными делами.

-
У тебя с ней что-то было?

В этот момент мимо них прошла Олимпия, она бросила беглый взгляд на Виктора и скрылась в аллее в сопровождении огромного высокого негра.

-
А она тоже входит в экипаж? – спросил Виктор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.